

ВОЙНА

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖѢ 25 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 30 К.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 34

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916

18 АВГУСТА

Рис. А. Радакова.

РОЛИ ПЕРЕМѢНИЛИСЬ.

„Психологія „воровской“ осторожности и лисьей хитрости, — вотъ психологія нынѣшней нижегородской ярмарки. Цѣны повышены на 200—250 процентовъ даже тѣхъ предметовъ, которые имѣются въ избыткѣ“.

(Изъ газетъ.)

Прохожій: — Ба! Кто это: Стенька Разинъ?! И — голый? Что съ тобой, Стеня?

Стенька (плачетъ): — Купцы нижегородскіе ограбили...

Рис. Б. Григорьева.

МАРОДЕРЪ ТЫЛА.

— Вы не знаете, мадамъ, до чего теперь дошла спекуляція!.. Даже дѣти спекулируютъ! Я взяла своему сынишкѣ мамку — и что же вы думаете! Молока у нея сколько угодно, а сынишка взялъ вчера да и вывѣсилъ у нея на груди платикъ: „Молока нѣтъ“.

РЕПОРТЕРЪ.

Я хочу хотя бы однажды сѣсть къ столу
И писать все, что напишется:
... Только съ тобой, моя дорогая Лулу,
Мнѣ весенне въ саду нашемъ дышится!
Видишь, какъ сиреневая распустилась листва,
Какъ розовѣетъ трава на куртинахъ?
Видишь, какъ кудрявится моя черная голова
Тамъ, гдѣ чудилась уже плѣшь въ сѣдинахъ?
Слышишь, какъ соловьемъ защелкалъ старый котъ.
И нѣжно закукола корова?
Слышишь, какъ величаво-медленно идетъ
Король и роняетъ королевское слово:
«Пусть отнынѣ со старымъ писакой она,
«Лулу золотистая, будетъ.
«И пусть его больная желудкомъ жена
«Навѣки о немъ позабудетъ.
«Пусть отнынѣ онъ пишетъ о розовой травѣ,
«О котѣ-соловьѣ и о чемъ хочетъ,
«Никогда не пишетъ о городскомъ головѣ,
«А надъ пожарами прямо хохочетъ.
«Пусть даже не знаетъ о томъ, что трамвай
«Рѣшилъ не прокладывать вѣтокъ»...
Все это отлично, король! Но тогда дай
Мнѣ другой материалъ для замѣтокъ...

Ал. Вознесенскій.

ПѢСНИ ДЛЯ СЕБЯ.

Когда киргизъ ѣдетъ по степи въ городъ, и ему предстоитъ не меньше пяти-шести часовъ пробыть въ дорогѣ, онъ начинаетъ вполголоса пѣть. Пѣсень у киргизовъ нѣтъ. Этотъ небольшой остроумный народъ обставилъ свою жизнь такъ умѣло, что совсѣмъ не заводилъ литературы и поэзіи: даже самый легкій способъ изложенія своихъ мыслей письменно, для котораго не требуется повышеннаго интеллекта и сообразительности критика — и тотъ отсутствуетъ у киргизовъ. Поэтому, пѣсню для дороги каждый киргизъ составляетъ для себя самостоятельно тутъ же на мѣстѣ.

Сидитъ онъ въ телѣгѣ, смотритъ по сторонамъ и заунывно иллюстрируетъ свои наблюденія и переживанія.

— Эхъ ѣду я... А дерево не ѣдетъ... У меня нѣтъ листьевъ, а у дерева есть. И у лошади нѣтъ. А выбѣжалъ бы заяцъ, поймалъ бы я его, зажарилъ и съѣлъ.

Мнѣ нравятся эти киргизскія пѣсни.

Мы поступаемъ хуже. Мы устраиваемъ комнату по своему вкусу, ѣдимъ любимыя котлеты де-воляй, приглашаемъ въ гости милыхъ людей, а когда выходимъ на эстраду, начинаемъ тянуть такія вещи, которыя никто бы не рѣшился рассказать о себѣ прозой въ небольшой компаніи.

Я самъ слышалъ, какъ одинъ плотный пѣвецъ, съ животомъ, во фракѣ и съ лысиной пѣлъ о томъ, что если бы ему дали крылья, онъ полетѣлъ бы къ своей подругѣ, которая живетъ въ поднебесьѣ. Онъ пѣлъ, а никто ему не вѣрилъ. Если лысому человѣку съ большимъ животомъ дать крылья, онъ безпомощно сложитъ ихъ въ уголь и отойдетъ, даже не обернувшись. Никуда онъ не полетитъ.

А въ заключеніе онъ еще назвалъ себя орломъ. Это было даже обидно. Тѣмъ болѣе — всѣ знали, что его подруга, рыхлая пожилая купчиха, живетъ не въ поднебесьѣ, а въ меблированныхъ комнатахъ, птичкой ее называть было нельзя, и пѣвецъ обо всемъ вралъ. Еще хуже, когда выходитъ на эстраду пожилая женщина и начинаетъ пѣть о томъ, что у нея въ груди неземной огонь, а зрители, начиная съ четвертаго ряда, знаютъ, что всего ея темперамента хватило только на незаконное сожительство съ городскимъ архитекторомъ.

Поэтому я отказался отъ чужихъ пѣсень. Отчасти этому способствовало также полное отсутствіе голоса, но это не важно. Пѣть хочется всѣмъ.

Часто, когда я остаюсь одинъ въ квартирѣ, когда приходитъ безграничная жирная лѣнь и сознаніе, что всѣ неотложныя дѣла упущены, все перепутано, кто-то обмануть въ ожиданіи писемъ и звонковъ — мнѣ хочется, какъ киргизу, сидѣть и пѣть. Пою я молча, однѣми мыслями, что гораздо задушевнѣе и легче.

Для этого у меня существуютъ особенныя пѣсни.

Утренняя пѣсенка.

Вотъ я сейчасъ долженъ встать. Изъ крахмальной рубашки, навѣрное, выпала запонка — значитъ, нужно шарить по полу, залѣзая подъ стулья, отодвигать диванъ.

Потомъ я посмотрю въ зеркало и увижу, что за ночь отросли волосы на щекахъ. Я ихъ не чувствую, но они могутъ помѣшать человѣку, къ которому я пойду съ визитомъ.

Значитъ, нужно бѣжать къ парикмахеру, который возьметъ остро отточенный ножикъ и будетъ царапать имъ по моему лицу, измазанному общей кисточкой грязнымъ мыломъ.

Нужно надѣть ботинки. Какія-нибудь десять минутъ, и я

найду крючокъ для нихъ въ книгѣ, куда онъ положенъ, какъ молчаливый сторожъ строки, на которой я остановился. Вдругъ я начну читать не съ той страницы, это будетъ ужасно, — и крючекъ стережетъ меня отъ лишнихъ буквъ.

Ботинки тѣсны. Они сильнѣе, чѣмъ измѣна любимой. О ней заставляетъ на минуту забывать новая женщина, благосклонно взглянувшая изъ-подъ шляпки. Ботинокъ жметъ лѣвую ногу всегда. Въ самыя лучшія минуты.

Зачѣмъ люди встаютъ съ постели, гдѣ такъ тепло, мягко и уютно... Если бы постели пронумеровать и продавать на нихъ билеты, я вѣчно бы торчалъ у кассы и просилъ сезонную контрамарку.

А вѣдь есть люди, которые быстро вскакиваютъ съ постели, стряхиваютъ съ себя сонъ и чувствуютъ себя бодрыми. Такъ дѣлаетъ одинъ мой сослуживецъ. Впрочемъ, онъ — дуракъ.

Дѣловая пѣсенка.

На столѣ у меня два желчныхъ и шипящихъ бухгалтера. Оба такіе требовательные и официальные, точно у нихъ изжога и надоѣвшая побочная семья. Два бухгалтера: часы и календарь.

Сначала начинаетъ пилить первый.

— Ага, братъ. Уже одиннадцать. А гдѣ письмо?

— Завтра напишу — оправдываюсь я.

Тогда вмѣшивается второй.

— Завтра? А какое завтра число? Четвертое августа. Понялъ? А письмо пришло 29 мая.

— Видите ли, господа, все письмо должно состоять въ одной фразѣ: пріѣхать не могу; занятъ. Если бы я могъ пріѣхать, такъ я бы сдѣлалъ это безъ письма.

— Твое дѣло, а только ты до 12 долженъ четыремъ людямъ отвѣтить.

— Ахъ, какъ они ко мнѣ пристають.

Если бы я нашелъ сговорчиваго вора, который бы мнѣ общался красть всѣ часы, календари и телефонные номера, какіе только появятся на моемъ столѣ — я взялъ бы его къ себѣ въ домъ, отвелъ бы ему отдѣльную комнату и аккуратно платилъ ежемѣсячное жалованье. Если бы онъ оказался вегетарианецъ, въ домѣ у меня перестало бы появляться мясо. Позже я самъ бы подыскалъ ему хорошую, спокойную жену и уступилъ еще одну комнату...

Человѣкъ, который изобрѣлъ часы, сковалъ всѣхъ такими цѣпями, отъ которыхъ не сможетъ освободиться даже цирковой фокусникъ. Я бы повѣсилъ этого шарлатана.

Пѣсня о развлеченіяхъ.

Меня ведутъ въ театр.

Меня ведутъ въ театр. (Еще 2 раза.)

Я буду слушать, какъ неестественно накрашенные люди станутъ говорить подъ суфлера то, что написалъ лѣтомъ на дачѣ одинъ изъ моихъ литературныхъ друзей.

Когда онъ писалъ книги и присылалъ мнѣ ихъ съ автографомъ, я складывалъ ихъ въ шкафъ и забывалъ. У этого человѣка нижняя губа отвислая; онъ бывший сельскій учитель, любить говорить о будущей жизни, курить дешевый табакъ и ничего хорошаго написать не можетъ. Точно контрактъ съ природой подписалъ, что ничего цѣннаго изъ него не выйдетъ. И я-то это хорошо знаю, потому что чувствую его всего, какъ леденецъ во рту.

Меня ведутъ въ театр.

Артисты и артистки, отработавъ первое дѣйствіе, разбѣгутся по уборнымъ и начнутъ говорить гадости. Или о товарищахъ, или рассказывать рецензентамъ скабрзные анекдоты. Поэтому, когда пероиня плачетъ, я знаю, что она въ это время вспомнила, что нужно будетъ во время купить въ одномъ магазинѣ чулки, — иначе ихъ распродадутъ.

А первый любовникъ нечестно играетъ въ кар-

ты, и совсѣмъ не можетъ меня убѣдить, что онъ скоро будетъ стрѣляться на сценѣ.

Я же всѣхъ ихъ знаю лично. Очень скучные и небольшие люди.

Меня убѣдили, что дома мнѣ скучно, поэтому и ведутъ въ театр. Впрочемъ, это хорошо. Иначе меня увели бы на симфоническій концертъ.

Пѣсня о любви.

Вотъ я сижу на извозчикѣ и вотъ я ѣду къ дамѣ, которую зовутъ Катей.

Вотъ я пріѣду къ ней и буду ее цѣловать, стараясь попасть за ухо, гдѣ меньше пудры. Она тоже пощелкаетъ губами около моей щеки и подумаетъ, что Михаилъ Петровичъ брился чаще, и щека у него была мягче, чѣмъ моя.

Я буду увѣрять ее, что она первая женщина, которая запала такъ глубоко въ мое сердце. Она будетъ увѣрять, что я запалъ въ то же мѣсто и съ неменьшей глубиной.

Я знаю, что я вру. Она тоже знаетъ. Но всѣ говорятъ, что мы любимъ другъ друга, и это уже накладываетъ обязательства. Посторонніе ошибаться не могутъ. Имъ виднѣе.

Она боится, какъ бы я не сталъ ее ревновать и не дѣлалъ скандаловъ по поводу какого-то студента, приносящаго ей книги.

Я боюсь, что она мнѣ сядетъ на шею. Я уже вывезъ на своемъ вѣку достаточно.

Впрочемъ, говорятъ, любовь возвышаетъ. И вотъ я ѣду къ дамѣ, которую зовутъ Катей.

Кабы извозчикъ потише ѣхалъ. Что я ему — пять рублей на чай общалъ, что ли?..

Радостная пѣсенка.

Слава Богу всѣ ушли. Всѣ ушли. Всѣ ушли.

Черти близкихъ унесли. Унесли. Унесли.

Слава Богу всѣ ушли. Всѣ ушли. Всѣ ушли.

Черти близкихъ унесли. Унесли. Унесли.

Слава Богу всѣ ушли. Всѣ ушли. Всѣ ушли.

Черти близкихъ унесли. Унесли. Унесли.

Сейчасъ достану конфетъ, лягу съ двумя книгами на диванъ, буду ѣсть конфеты и читать.

Если надоѣстъ, отложу книгу, буду лежать и думать. Думать, когда снята телефонная трубка, очень пріятно.

А что если бы я былъ молодымъ графомъ? Богатымъ, красивымъ, здоровымъ... Впрочемъ, это скучно. Лучше купить хорошую зимнюю дачу, привезти туда рому, сигаръ, завести двухъ сенъ-бернардовъ съ умными мордами и безнадежно влюбиться. Но такъ, чтобы эта женщина съ синими глазами и бѣлой кожей все-таки цѣнила васъ, и изрѣдка покрытый снѣгомъ нарочный съ сосѣдней станціи привозилъ бы отъ нея письма въ длинныхъ сиреневыхъ конвертахъ. Впрочемъ, это похоже на гамсуновскую драму и дѣлаетъ человѣка похожимъ на копченую камбалу — сухимъ и безвкуснымъ...

Нѣтъ, лучше читать. Есть одна книжка стиховъ, которые нельзя читать, приложивъ къ уху телефонную трубку, зажатую въ одной рукѣ, а другой безостановочно здороваясь съ вваливающимися черезъ всѣ квартирныя отверстія гостями. Теперь можно...

Очень хорошо. Прекрасные стихи. Хотя у человѣка, у котораго вырываются такія жалкія страдальческія фразы, должны болѣть почки. Люди со здоровымъ организмомъ не пишутъ стиховъ.

Одиннадцатый часъ. Сейчасъ придутъ всѣ... Всѣ. Ихъ шесть человѣкъ, а я одинъ. И всѣ они неосторожно награждены даромъ слова. Да еще какого.

Странно, почему люди вѣшаютъ въ камерахъ одиночнаго заключенія и спокойно сидятъ въ кафѣ?

Арк. Буховъ.

Рис. А. Р.

УТЛОЕ СУДЕНЫШКО.

— Ну что я могу подѣлать, если вѣтеръ все время дуетъ отъ дома мужа по направленію къ квартирѣ Павла Ивановича?!

— Что жъ: пріятно, когда вѣтеръ попутный.

К О Н Е Ц Ъ Г Р О М О В А .

Разсказъ Аркадія Аверченко.

I.

— Господа, — сказала Подходцевъ, пренебрежительно поглядывая на Клинка и Громова, — умѣете ли вы держать себя въ обществѣ?

— Только одинъ разъ я не могъ держать себя въ обществѣ, — возразилъ Клинокъ, — и то это было общество электрическаго освѣщенія... Они мнѣ подали счетъ дважды за одно и то же. Я и раскричался.

— А я себя держу въ обществѣ такъ замѣчательно, что всѣ окружающіе застываютъ въ нѣмомъ изумленіи, — улыбнулся тихо и ласково кроткій Громовъ.

— Ну, это тоже лишнее. Это ужъ слишкомъ. Приковыривать къ себѣ общее вниманіе — тоже не рекомендуется. Однимъ словомъ — берите примѣръ съ меня.

— Собственно, въ чемъ дѣло? — нетерпѣливо спросилъ Клинокъ.

— Дѣло въ томъ, что мы приглашены въ одинъ фешенебельный домъ.

— Ну, что жъ — повращаемся, повращаемся, — самодовольно усмѣхнулся Клинокъ. — Надѣюсь, будутъ и танцы?

— Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, не танцуй, — искренно встревожился Громовъ. — У тебя есть дурная привычка на половинѣ вальса бросать свою даму, засовывать большіе пальцы рукъ въ проймы жилета и начинать передъ самымъ носомъ оторопѣвшей дамы подбрасывать ноги чуть не до потолка.

— Эхъ, ты, деревня! Во всѣхъ шикарныхъ кабакахъ Парижа такъ танцуютъ.

— Можетъ быть. Но насъ зовутъ въ семейный домъ.

— Большая важность. А у Синягиныхъ я развѣ не танцевалъ передъ хозяйкой съ большимъ успѣхомъ?

— А чѣмъ кончилось? Отвели въ уголокъ и отказали отъ дому.

— Также и домъ у нихъ: сырой, одноэтажный, чуть не на краю города. А куда насъ теперь приглашаютъ?

— Къ Троицынымъ.

— Удивляюсь я, — пожалъ плечами Громовъ, — зачѣмъ всѣ эти люди насъ приглашаютъ: придемъ, на шумимъ, съѣдимъ и выпьемъ все, что есть подъ рукой, уязвимъ гостей и уйдемъ, оставляя за спиной мерзость запустѣнія.

— Я думаю, васъ приглашаютъ ради меня, — замѣтилъ Клинокъ, пыхтя отъ важности.

— Возможно, — пробормоталъ Подходцевъ, — какъ болгарина съ обезьяной — пускаютъ во дворъ ради обезьяны. Итакъ, завтра въ девять отсюда, всѣ втроемъ.

II.

Какъ-то выходило такъ, что всѣ трое держались вмѣстѣ: Громовъ не могъ минутки пробыть безъ Подходцева, Клинокъ терся около Громова съ вѣчной мыслью уколоть его, подцѣпить на что-нибудь, а Подходцевъ держался около Клинка съ цѣлью удержать этого разнузданнаго толстяка отъ истерическаго желанія пуститься въ нескромный плясъ.

— Знаешь, — замѣтилъ Клинокъ, оглядывая гостей. — Мнѣ очень нравится та блондинка въ черномъ. Я, признаться, за ней уже приударилъ.

— Вотъ тебѣ разъ, — опечалился Подходцевъ. — Какъ разъ она и мнѣ нравится. Отступись, голубчикъ.

— Что дашь? — хладнокровно спросилъ корыстолюбивый Клинокъ.

— Рубль хочешь?

— Рубль и коврикъ, что лежитъ около твоей кровати.

— Хорошо. Только ты познакомь меня съ ней.

— Сколько угодно! Пойдемъ...

Клинокъ подтащилъ Подходцева къ пышной блондинкѣ, даже не подозрѣвавшей, что она только что была продана, — и сказалъ самымъ свѣтскимъ тономъ:

— А я, Марья Николаевна, хочу познакомить васъ съ человѣкомъ, котораго вы буквально ошеломили. Замѣчательная личность. Имѣетъ у женщинъ шумный успѣхъ, но до сихъ поръ ни на кого не обращалъ вниманія. Вы — первая. Понимаете? Кто онъ?... Вы, вѣроятно, слышали — это Подходцевъ. Извѣстный Подходцевъ. Человѣкъ, полный тайнаго обаянія. Будьте счастливы, дѣтишки.

И, заработавъ честно свой рубль, Клинокъ снова отошелъ къ Громову.

— Ты что повѣсилъ носъ, Громушка? Можетъ, и тебѣ какая-нибудь дѣвушка нравится? Могу уступить. Имѣются на разныя цѣны.

— Не трещи. Послушай: видишь ты ту барышню, что сидитъ одиноко въ углу?

Громовъ указалъ на дѣвушку лѣтъ 35, съ длиннымъ носомъ, маленькими, ушедшими подъ рыжія брови глазами и рѣдкими волосами, взбитыми надъ узкимъ лбомъ, какъ паля, вылѣзшая изъ щели стараго тюфяка.

— Вижу. Это та, которая сложила костлявыя руки на острыхъ колѣняхъ? Я боюсь, какъ бы колѣно не проткнуло ея руки. А почему ты обратилъ на нее вниманіе?

— Ты знаешь: мнѣ ее такъ жалко, что плакать хочется. Я уже полчаса наблюдаю за ней. Сидитъ тридцатипятилѣтняя, незнавшая мужчины, некрасивая, одинокая, всѣ ее обходятъ, никому она не нужна, и кромѣ всего, обязана дѣлать видъ, что ей весело. Для этого она изрѣдка смотритъ въ потолокъ, оглядываетъ стѣны, а когда близорукій танцоръ со-слѣпу налетитъ на нее, она дѣлаетъ видъ, что ее вывели изъ глубокой задумчивости, но что она не прочь пошалить, потанцевать. Однако, близорукій кавалеръ въ ужасѣ умчался, а она снова погружается въ дѣланную разсѣянность. Какая мелкая, глупая трагедія!

— А ты пойдѣ, поплачь у нея на груди, — посоветовалъ Клинокъ. — Жестко, но добродѣтель всегда жестка...

Не слушая его, Громовъ поникъ головой и прошепталъ:

— Ей, видно, очень плохо живется. Какъ ты думаешь, — цѣловалъ ее кто-нибудь?

— Слѣпой... и то едва ли. Вѣдь у нихъ, говорятъ, очень развито осязаніе...

— Клинокъ, но вѣдь это ужасъ! Не испытать никогда поцѣлуя мужскихъ губъ, трепета мужской страсти на своей груди!...

— А ты вотъ такой добрый: взялъ бы да и поцѣловалъ ее. Вотъ-то рада будетъ!

Громовъ смущенно усмѣхнулся.

— А ты знаешь: я только что думалъ объ этомъ. Отчего дѣвушкѣ не доставить хоть минутку удовольствія. Потомъ вспоминать будетъ, поди, всю жизнь; вѣдь другой-то разъ едва ли это случится.

Клинокъ взглянулъ на Громова съ почтительнымъ удивленіемъ:

— Ты, я вижу, совсѣмъ святой человѣкъ! Экія мысли приходятъ тебѣ въ голову...

— Ну, ты только посмотри на нее: какая же она несчастная.

— Да, видъ у нея дождливый. Пожалуй, осчастливь ее — только сейчасъ же бѣги ко мнѣ. Я тебя спрячу.

Если бы Клинокъ обрушился на Громова, высмѣялъ его, Громовъ, пожалуй, оставилъ бы свое странное намѣреніе безъ исполненія. Но лукавому, проказливому Клинку, самому было интересно посмотрѣть, что выйдетъ изъ этой филантропической затѣи.

— Знаешь: пригласи ее въ ту комнату посмотрѣть картины — комната пуста, а я у дверей постерегу.

И, какъ Мефистофель, онъ подтолкнулъ добряка Громова подъ локоть.

* * *

— Что это вы тутъ сидите въ одиночествѣ? — раздался надъ пыльной поникшей дѣвицей музыкальный голосъ Громова.

Дѣвица вспыхнула и оживилась.

— Такъ, знаете. Я люблю одиночество.

— Одиночество развиваетъ меланхолію. А молодая хорошенькая дѣвушка не должна быть меланхоличной.

— Удивительно, — кокетливо поежилась барышня. — Всѣ вы, мужчины, говорите одно и то же.

— Но вѣдь мужчины же не виноваты, что вы хороши. Милліоны людей говорятъ, что солнце прекрасно. Развѣ они надоѣли солнцу своими восторгами?

— Куда вы сейчасъ спѣшили? — зардѣлась барышня.

— Въ ту комнату. Тамъ висятъ хорошія картины. Хотите посмотрѣть?

— Но тамъ, кажется, никого нѣтъ!

— А вы боитесь меня?

— О, я вѣдь знаю васъ, мужчинъ... Хотя, впрочемъ, вы кажетесь мнѣ порядочнымъ человѣкомъ. Пойдемте.

Она встала и уцѣпилась рукой за локоть Громова съ такой энергіей, съ какой утопающій среди открытаго моря хватается костенѣющими руками за обломокъ мачты.

— Вотъ вамъ картины, — благодушно указаль Громовъ. — Видите, какія.

— Да, хорошія, — подтвердила барышня.

— Если бы я былъ художникъ, я написалъ бы съ васъ картину.

— Что же вамъ такъ во мнѣ нравится? — спросила барышня, поправляя дрожащей рукой выльзшую изъ невидимаго тюфяка паклю на головѣ.

— Какіе волосы! — дрожащимъ отъ страсти голосомъ прошепталь добрый до самоотреченія Громовъ. — Ваши губы... О, эти ваши губы! Я хотѣлъ бы крѣпко-крѣпко прильнуть къ нимъ... Такъ, чтобы духъ захватило. О, ваши розовыя губки!..

— Вы не сдѣлаете этого, — пролепетала барышня, закрывая лицо руками. — Это было бы такъ ужасно!..

— Я не сдѣлаю? О, плохо же вы меня знаете! Страсть клокочетъ во мнѣ... Я...

Онъ безо всякаго усилія оторвалъ отъ лица руки барышни, запрокинулъ ея голову и, дѣйствительно, впился своими горячими красными губами въ ея блѣдныя увядшія губы.

— Что вы дѣлаете, — прошептала барышня, обвивая руками шею Громова. — Что ты дѣлаешь, мой дорогой... какъ тебя зовутъ?...

— Васей.

— ...Дорогой Вася... Развѣ можно позволять себѣ это сейчасъ? Потомъ, послѣ свадьбы... Когда мы останемся вдвоемъ.

Громовъ вдругъ обмякъ, обвисъ въ цѣпкихъ объятіяхъ, какъ мѣшокъ, изъ котораго высыпался овесъ.

— Свадь... ба? Какая свадьба?

— Наша же, глупенькій. Имѣй въ виду, что до свадьбы я позволю тебѣ цѣловать только кончики моихъ пальцевъ...

— По... почему свадьба?! Я не хочу...

Дѣвица вдругъ откинулась назадъ и съ пылающимъ лицомъ воскликнула тономъ разгнѣванной королевы:

— Милостивый государь! Я — дѣвушка... И вы меня цѣловали. Вы мнѣ говорили вещи, которыя могутъ говорить только будущей женѣ!

Колѣни Громова сдѣлались мягкими, будто были набиты ватой.

— Я... больше не буду... Простите, если я что-нибудь лишнее... позволилъ.

Дѣвица толкнула его на диванъ, сама усѣлась рядомъ и, прижавъ свое пылающее лицо къ его щекъ, миролюбиво сказала:

— Лишнее? Почему лишнее? Если человекъ любить — ничего ни въ чемъ нѣтъ лишняго...

Съ глазами, устремленными въ одну точку, застылъ на мѣстѣ неопытный благодетель Громовъ. А она терлась щекой о его плечо и шептала на ухо:

— Ахъ, какое у насъ будетъ гнѣздышко. Я уже сейчасъ вижу его... Прямо изъ передней — столовая. Налѣво твоя комната. Направо гостиная. Ты голубой цвѣтъ любишь? Голубая. Ты знаешь?... Я думаю обойтись одной кухаркой: стирать пыль или какія-нибудь другія мелочи я буду дѣлать сама. Правда? О, я не разорю тебя, не бойся.

И нѣжнымъ поцѣлуемъ въ потускнѣвшій, закатившійся, какъ у недорѣзанной курицы громовскій глазъ, она закрѣпила это заманчивое обѣщаніе...

* * *

Лицо Клинкава, когда онъ подошелъ къ выскочившему изъ комнаты Громову, сіяло весельемъ и лукавствомъ.

— Какъ ты думаешь, Подходцевъ заплатитъ мнѣ рубль за проданную блондин... Боже, что съ тобой такое?

— Она... тамъ... — утирая мокрый лобъ, простоналъ Громовъ, — женится на мнѣ... Уже... почти женилась... Клинкава — что же это такое? Есть же вѣдь полиція, судъ, — могутъ же они за меня заступиться. Любишь, говоритъ, голубой цвѣтъ — гостиная будетъ голубая, не любишь — будетъ красная...

— Милый... Громовъ! Опомнись. Что она тамъ съ тобой сдѣлала? Ты поцѣловалъ ее?

— Ну, да. А она...

За ихъ спиной раздался веселый голосъ:

— Гдѣ онъ тутъ, этотъ ловеласъ, этотъ покоритель сердецъ?! А! Вы тутъ, шалунишка. Здравствуй, Вася. Очень пріятно познакомиться. Сестра мнѣ все рассказала. И какъ это все у нихъ быстро... Ну, поздравляю. Она хорошая баба, безъ штукъ. А я вамъ даже столовый буфетъ подарю — у меня есть очень хорошій буфетъ.

— Что вамъ нужно, милостивый государь? — сурово спросилъ Клинкава.

— Мнѣ? Да вотъ обниму только шурина, поцѣлую, да и пойду себѣ. Много ли мнѣ надо.

Онъ схватилъ Громова въ объятія, скомкалъ его, какъ тряпку, и лизнувъ гдѣ-то между глазомъ и ухомъ, опустил на полъ и понесся дальше съ сіяющимъ лицомъ.

А въ углу громовская барышня, окруженная кольцомъ гостей, что-то оживленно и радостно рассказывала.

Блѣдный, съ трясущейся нижней губой вылетѣлъ изъ этого кольца Подходцевъ и, скользя къ прятавшимся за портьерой Громову и Клинкаву, быстро сказалъ:

— Клинкава! Уводи Громова во что бы то ни стало! Можешь даже опрокинуть кого-нибудь, кто станетъ на дорогѣ. А я буду въ арьергардѣ задерживать гостей. Бѣгите черезъ спальню. Вы куда, молодой человекъ? Что? Поздравить? Осади назадъ, мерзавецъ, а не то я тебѣ сломаю позвонки!

Клинкава схватилъ Громова за руку и въ то время, какъ Подходцевъ широкой грудью сдерживалъ напоръ ликующихъ гостей, повлекъ растеряваго, испуганнаго жениха къ выходу черезъ спальню.

Они уже были почти въ безопасности, какъ вдругъ изъ-за дивана вынырнулъ невидимый дотолъ старикъ съ сивымъ лицомъ, схватилъ маленькаго Громова за шею и, какъ орелъ когтитъ ягненка, повлекъ Громова за собой. Клинкава ринулся за ними, но нахлынувшая толпа ликующихъ гостей отдѣлила его отъ Громова...

* * *

Молча, въ бессильной ярости стояли плечо къ плечу Клинкава и Подходцевъ и изъ-за спины гостей, остолбенѣлые, могли любоваться на такую сцену: сивый старикъ держалъ Громова подъ руку, по другую сторону сиваго старика стояла барышня съ паклей на головѣ, и сивый старикъ растроганнымъ голосомъ говорилъ такое:

— Господа! Всѣ здѣсь, включая и хозяина дома, — наши друзья и знакомые!.. Такъ порауйтесь же вмѣстѣ съ нами на счастье этихъ двухъ дорогихъ моему сердцу сердецъ. Господинъ Громовъ сдѣлалъ нынче моей дочери предложеніе, и я предлагаю выпить за ихъ здоровье и счастье. Отъ имени Громова, (неправда ли, Вася), объявляю всѣмъ, что кто откажется пріѣхать на бракосочетаніе — всѣхъ трехъ насъ — кровно обидитъ... Ура!

Громовъ отыскалъ глазами лица двухъ своихъ друзей и кротко, печально имъ улыбнулся: такъ улыбались христіанскіе мученики, вытолкнутые въ дверь на арену цирка, передъ пастью тигра...

Въ глубокомъ отчаяніи, пошатываясь, вышли оба друга въ коридоръ, не въ силахъ будучи вытерпѣть этого зрѣлища.

— Клинкава! — простоналъ Подходцевъ. — Вѣдь это что же?! Катастрофа?

И сердце Клинкава подсказало ему единственное возможное утѣшеніе:

— Ничего, Подходцевъ. Она уже старая; можетъ быть, скоро умретъ.

А изъ зала неслись крики «ура» ликующихъ отъ неизвѣстной причины гостей, и стучали бокалы, какъ комья земли, осыпавшіеся на отверстую могилу кроткаго, добраго Громова.

На улицѣ свѣтало. Было сыро. Было холодно.

Аркадій Аверченко.

ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРЫСЫ.

По Сибири разѣзжаетъ какой-то „человѣкъ молнія“ г. Мишель — полутрансформаторъ, полукуплетистъ...

Отрывки изъ его афиши:

„Г. Мишель исполнитъ типъ сибирскихъ влюбленныхъ“.

„Г. Мишель исполнитъ типы поэтовъ-писателей: Льва Толстого, Некрасова, Лермонтова, Пушкина, Тургенева и многихъ другихъ комическихъ типовъ“.

Наше скромное мнѣніе: Мишель гораздо болѣе комичный типъ, чѣмъ извѣстный комикъ Левъ Толстой.

*

Театральная крыса должна не только царапать и кусать... Иногда она можетъ и погладить кого-нибудь мягкой бархатной лапкой.

Сейчасъ ей хочется погладить по головкѣ, приласкать свѣжій только что народившійся талантъ: пѣвицу Изу Кремеръ.

Появилась Иза Кремеръ съ пѣсенками своего сочиненія на петроградскомъ горизонтѣ только мѣсяца 3—4 тому назадъ, а говорить о ней уже много и хорошо.

Самый яркій признакъ ея дарованія, — что петроградская пресса почти ничего о ней не пишетъ.

Иногда этимъ можно гордиться.

Т. К.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Изъ почтового ящика „Маленькой Газеты“:

Пинкертону. Сыщикомъ поступить можешь. Ступай въ сыскную полицію и вызови чиновника Иванова, онъ тебѣ по шею дастъ. Люсетта Джекъ. Ничего у васъ не выйдетъ насчетъ поѣздки, а насчетъ любви — валяйте. Благословляю обѣими передними.

Очевидно, другія обѣ, — заднія, заняты литературной работой.

*

„Лукоморье“ приводитъ разсказъ А. Конанъ-Дойль'я „Оправданный“.

Герой встрѣчаетъ героиню 25-лѣтнюю красавицу, въ началѣ настоящей войны, т. е. въ 1914 г.

Изъ дальнѣйшаго видно, что отецъ ея погибъ въ войну 1870 г.

Если разобратъ разсказъ съ арифметической точки зрѣнія, то можно поставить такіе вопросы: Кто виноватъ?

1. Отецъ ли, погибшій на 20 лѣтъ раньше рожденія своей дочери
2. Дочь ли, родившаяся 20 лѣтъ спустя послѣ смерти отца.
3. Мать ли, 20 лѣтъ борющаяся съ закономъ природы.
4. Писатель ли, впавшій въ разсѣянность.
5. Редакторъ ли, погрузившійся въ задумчивость.
7. Корректоръ ли, проявившій небрежность.
8. Наборщикъ ли, неразбравшій рукописи.
9. Читатель ли, зря заплатившій 30 коп.?

Принято винить стрѣлочника, но гдѣ онъ?

*

Въ заключеніе — прорухи на старухахъ:

В. Сладкопѣвцевъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ упоминаетъ какихъ-то „малолѣтнихъ младенцевъ“.

„Биржев. Вѣд.“ въ статьѣ „Разрушенный жупель“ пишетъ: *Это походитъ на извѣстный инцидентъ съ вдовой Пошлепкиной, съ той разницей, что вдова Пошлепкина высѣкла сама себя только въ воображеніи городничаго...*

Съ вдовой Пошлепкиной (слесаршей по Гоголю) никакого инцидента не произошло, потому что она не вдова, а замужняя слесарша. Инцидентъ произошелъ съ унтеръ-офицерской вдовой, фамилія которой наоборотъ — Иванова.

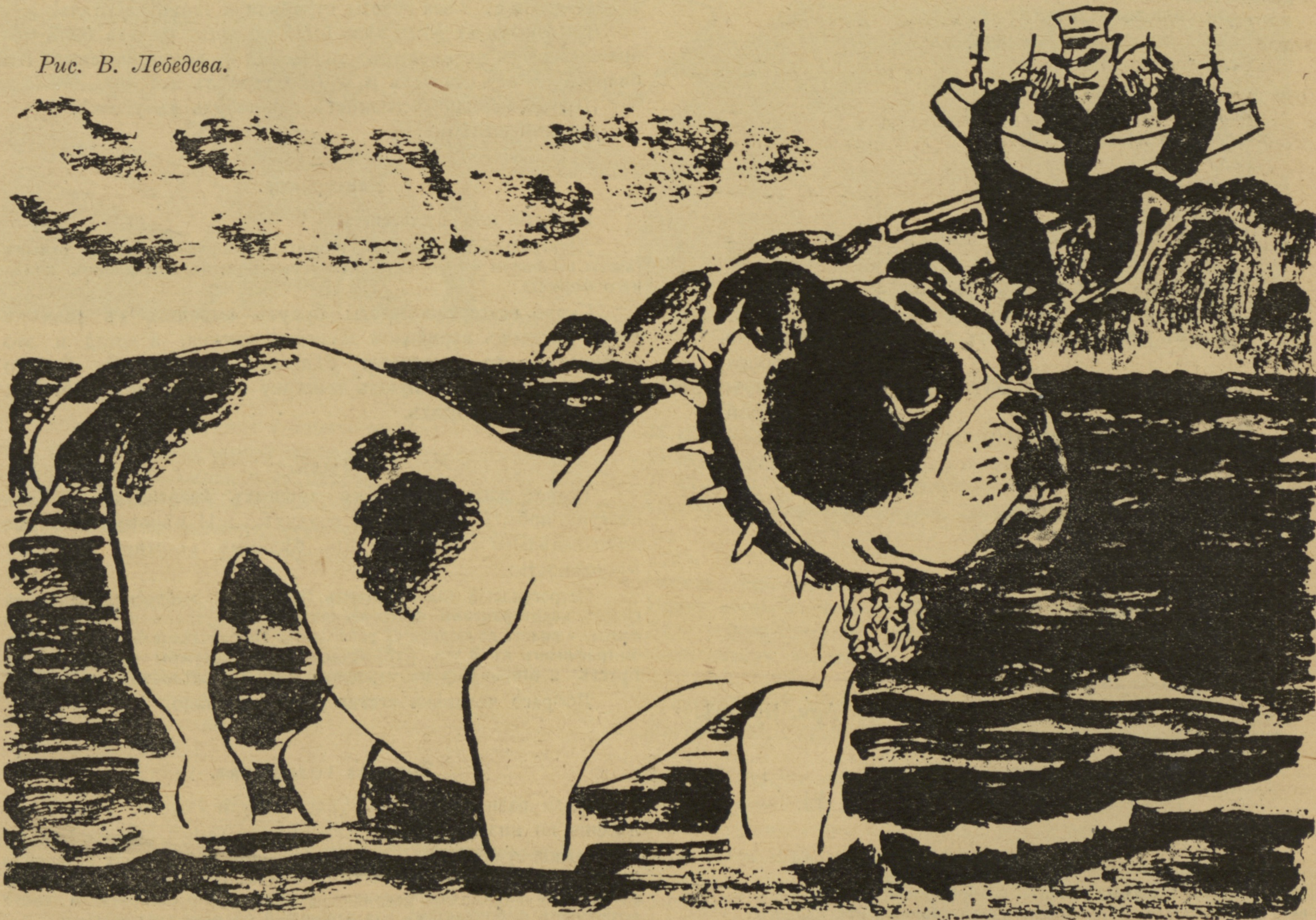
СМЕРТЬ ЛЕБЕДЯ.

„Любовь сильнѣе смерти“.

По зарѣ надъ степью опустѣлою,
Разсѣкая воздухъ грудью бѣлою,
Пролетали лебеди. Средь нихъ
Въ Божьемъ небѣ пара молодыхъ.
Въ первый разъ они летѣли за море.
Тамъ — внизу, какъ жилки въ сѣромъ мраморѣ,
Извивались рѣки, а вдали
Ужъ сверкали чудо-корабли.
И въ восторгѣ сердце лебединое
Трепетало надъ степной равниною,
Лебедь лебеди кричалъ: летимъ!
И она мѣнялась крикомъ съ нимъ.
Человѣкъ съ душой, тоской палимою,
Шель съ ружьемъ дорогой нелюдимою.
Глянулъ вверхъ онъ, слыша вольный крикъ,
Содрогнулся и къ ружью приникъ.
Позавидовалъ онъ улетающимъ,
Взвелъ курокъ и выстрѣломъ пугающимъ
Лебедь бѣлую сразилъ — убилъ,
Взмахъ широкихъ крылъ остановилъ.
Не успѣла крикнуть — книзу канула.
Дальше стая держитъ путь (не глянула),
Только лебедь молодой съ тоской
Съ громкимъ крикомъ вьется надъ землей.
Отъ печали сердце разрывается...
Выше, выше лебедь подымается...
Ужъ не видно на травѣ подъ нимъ
Трупа милой — только сѣрый дымъ.
Безъ любимой — нѣтъ пути пролетнаго,
Безъ подруги — счастья беззаботнаго.
Къ облакамъ онъ взвился, крылья сжалъ...
И — съ подругой мертвой рядомъ палъ.

Алексѣй Липецкій.

Рис. В. Лебедева.

ТЯЖЕЛАЯ ФОРМА БОЛЪЗНИ.

Германскій флотъ, боясь встрѣчи съ англійскимъ, все время стоитъ, спрятавшись въ Килѣ и Вильгельмсгафенѣ.

Нѣмецкій флотоводецъ, укушенный сердитымъ англійскимъ бульдогомъ, тихо страдаетъ водобоязнью.

КУЛЬТУРА.

Я не вѣрю, что когда-то
 Были женщины, какъ феи,
 Появлялись какъ видѣны,
 Молчаливы и нѣжны,
 Не стучали на машинкахъ, не кривлялись на аллеѣ
 Опереточнаго сада, отъ нахальныхъ взглядовъ мѣля,
 Какъ бы спрашивая тѣломъ
 Подходяща для жены?

Развѣ были герцогини
 Въ платьяхъ алаго атласа, —
 Вдохновеніе поэтовъ
 И восторженныхъ пѣвцовъ?
 Я не вѣрю въ этихъ предковъ обольстительнаго мяса,
 Зашнурованнаго туго для приманки ловеласа,
 Для кипѣнья алчной жажды
 Въ организмѣ жеребцовъ.

Неужели были ночи
 Напоенныя цвѣтами,
 Перевитыя лучами
 Серебрящейся луны,
 Не наполненныя шумомъ, говорливыми скотами
 Не запачканныя грязью, разливаемой устами
 Озлобленныхъ на природу
 Отъ весны и до весны?

Неужели были встрѣчи,
 Гдѣ молчанье говорило
 Больше словъ и больше страсти.
 Говорило, какъ пророкъ?
 Гдѣ ничто не угрожало и ничто не торопило
 Прятать всплескъ шального пыла
 Въ двухрублевый уголокъ?

Если дальше будетъ хуже,
 Если душу съѣстъ машина,
 Если небо опоганятъ
 Милліоны новыхъ трубъ,
 Если женщина пропахнетъ
 Чернымъ ядомъ никотина,
 Если будутъ автоматы
 Ляпать красками картины —
 Слава Богу:
 Въ это время ужъ давно сгніетъ мой трупъ.

Пусть ужъ лучше мягкость шкуры
 Опоясываетъ бедра —
 Пусть въ рукахъ заблещетъ тускло твердый камень
 топора,
 Лишь не этотъ гнетъ культуры, что идетъ походкой
 бодрой.

Онъ имѣетъ трепеть солнца
 У небснаго шатра.

Если были герцогини
 Въ платьяхъ бѣлаго атласа,
 Если только были ночи,
 Заставлявшія мечтать —
 Значитъ, было что-то въ грудѣ
 Человѣческаго мяса,
 Что культура не посмѣетъ
 И не сможетъ растоптать!

Арк. Буховъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Неудовлетворенность.

Авторъ памфлета Каппъ, оскорбленный рѣчью Бетманъ-Гольвега въ рейхстагѣ, потребовалъ удовлетворенія отъ канцлера.
 Въ виду отказа Бетманъ-Гольвега отъ частныхъ объясненій, Каппъ заявляетъ, что потребуетъ удовлетворенія послѣ окончанія войны, когда Бетманъ оставитъ канцлерскій постъ.

По нашему мнѣнію, авторъ памфлета Каппъ — форменный глупецъ: какъ можетъ Бетманъ-Гольвегъ дать ему удовлетвореніе, когда цѣлая Германія не можетъ добиться, чтобы онъ удовлетворилъ ее.

Разные колокола.

Безъ звона:

По сообщенію краковской газеты „Nowa Reforma“, въ львовскихъ костелахъ и монастыряхъ приступлено къ реквизиціи колоколовъ. Также и въ другихъ городахъ Галиціи идетъ спѣшная реквизиція колоколовъ.

Господи, какъ подумаешь: хорошіе колокола реквизируютъ, а никто не догадается реквизировать скворцовскую газету „Колоколь“; никому не нужна.

Существуетъ даже легенда: однажды нѣкій лавочникъ завернулъ копченую селедку въ газету „Колоколь“.

И что же!

Селедка вдругъ затрепетала въ рукѣ покупателя, выскользнула изъ газетной бумаги и, быстро перебирая плавниками, убѣжала.

Даже селедка не выдержала. Сколь же ужасно положеніе читателей!

Оклеветанное дитя.

Изъ Харькова сообщаютъ:

„Неожиданный оборотъ принимаетъ дѣло Грегуса: губернаторъ разрѣшилъ возбуждать дѣла противъ газетъ, якобы „опорочившихъ доброе имя Грегуса“.

Какъ у бѣдной дѣвушки-безприданницы, у Грегуса весь капиталъ заключался въ добромъ имени...

И что же! Злые газеты ограбили и этотъ капиталъ.

На самомъ же дѣлѣ вѣдь было не такъ: не онъ билъ допрашиваемыхъ резиновымъ жгутомъ, а допрашиваемые его били... А онъ молчалъ и кротко терпѣлъ все это...

Только изрѣдка всплакнетъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ.

Бѣдный малютка!

Венгерское.

Извѣстіе изъ Будапешта:

„Центральный бумажный комитетъ распорядился, чтобы отнынѣ газеты выходили въ форматѣ, не превышающемъ 8 страницъ книжнаго формата.

Скоро венгерскія газеты будутъ выходить въ размѣрѣ двухъ листовъ карманной записной книжки, а когда и это изсякнетъ, что останется бѣднымъ венгерцамъ? Въмѣсто чтенія газетъ — станцуютъ венгерку и этимъ удовлетворятся.

Препустой народъ.

Тыль.

Тяжело жить лѣтомъ въ душныхъ квартирахъ... Такъ полезно побыть на свѣжемъ воздухѣ... И нѣкоторые добрые домовладѣльцы стремятся дать бѣднымъ квартирантамъ эту возможность:

Петроградскій домовладѣлецъ Перекаринъ выбросилъ на улицу скарбъ квартирантовъ, не согласившихся на увеличеніе квартирной платы, — вплоть до люльки съ ребенкомъ. По разслѣдованіи Перекаринъ оштрафованъ въ 3 тыс. руб. отчисленъ отъ службы въ „Красномъ Крестѣ“ и отправленъ въ маршевую роту для слѣдованія на фронтъ.

Добраго человѣка всегда поощрять надо.

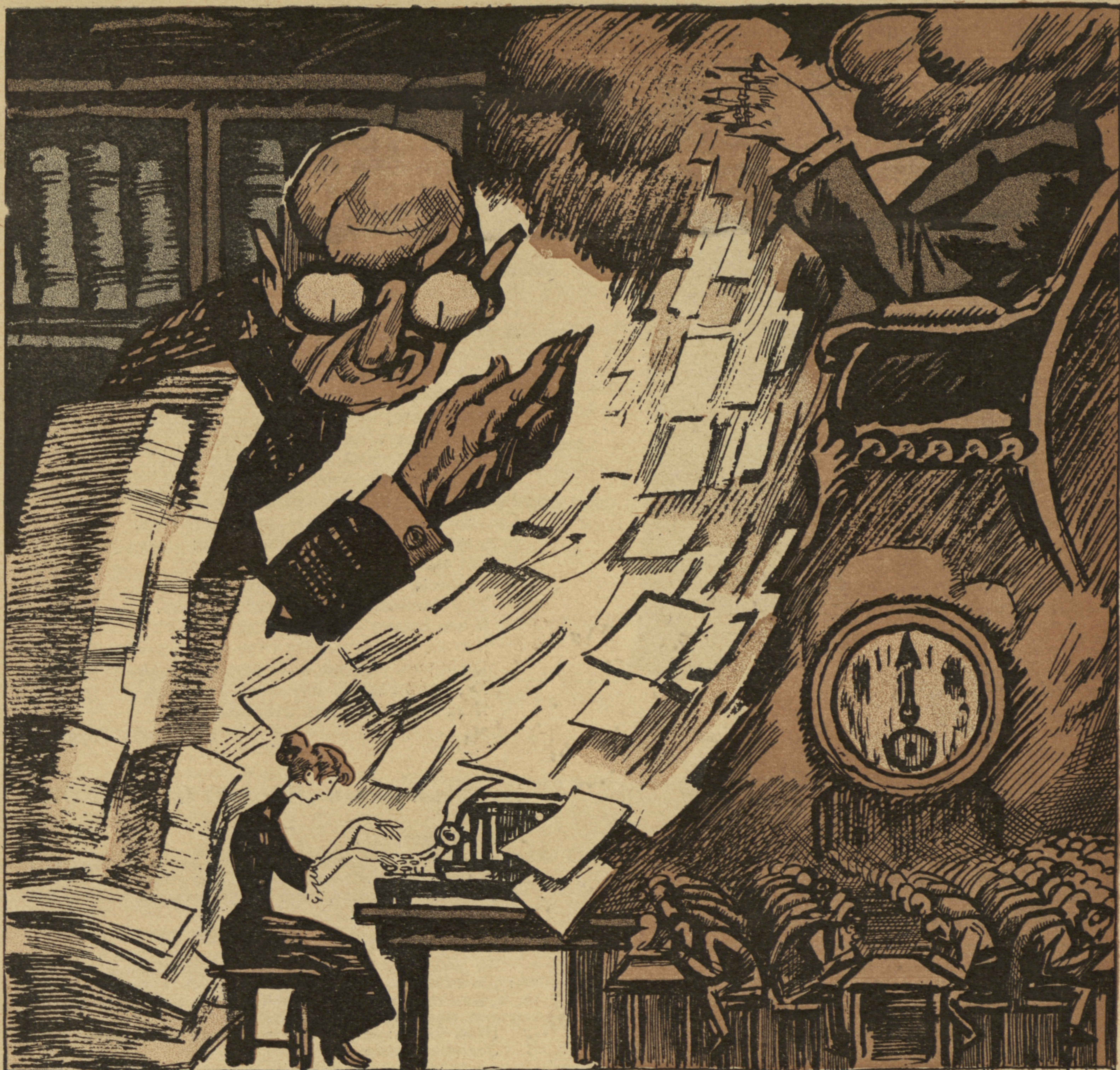
Золотая головушка.

Были разные способы „какъ спасти Россію, отъ обезлѣсенія но нижеслѣдующій способъ — самый легкій:

Бывшій судья И. Г. Скорняковъ предлагаетъ въ виду недостатка дерева изготовлять спички съ головками на обоихъ концахъ. Обгорѣлыя спички г. Скорняковъ проектируетъ собирать и снова возвращать фабрикантамъ для вторичной обливки составомъ...

Статистики высчитали, что на всемъ этомъ получится экономія въ три сосновыхъ дерева.

Не тѣ ли это три дерева, въ которыхъ пошехонцы запутались?

БАРЫШНЯ СЪ ПИШУЩЕЙ МАШИНКОЙ.

Она вошла въ эти затхлыя комнаты весною,
 Когда любовь дѣлала запасы на годъ.
 Она принесла рекомендаціи съ собою,
 Бухгалтеръ посмотрѣлъ и сказалъ мрачно: — „Вотъ
 Ваше мѣсто, ваша машинка, пишите на этой покуда,
 А потомъ мы купимъ вамъ Ундервуда!“
 И юркнулъ въ свои книги.
 Сѣла, потянулись часы, тоска и тоска...
 Солнце потухло, обосенился май, и вериги
 Сѣрой нудности придавили, какъ доска!
 Придавили... тукъ, тукъ, — и розовыя руки. —
 Ахъ, есть губы, мечтающія ихъ цѣловать, —
 Пишутъ страницы полныя скуки,
 А душа стала умирать,
 Покорившись осеннему ненастью.
 Тихо умирать, каждый день понемногу,
 Вотъ умерли надежды увидеть дорогу
 Всю въ весеннихъ цвѣтахъ, путь къ нему къ принцу-Счастью.
 Умираетъ о нѣжно любимомъ, кто, сопя и вздыхая,
 Тербилъ бы ей грудь своимъ маленькимъ, розовымъ ртомъ,
 Отъ блаженнаго счастья глаза закрывая.
 Умираютъ, тукъ, тукъ, умираютъ тукъ, тукъ, — это въ гробъ,
 Гдѣ надежды лежать, кто-то гвозди вбиваетъ,
 Кто-то страшный, могучій и злой, кто пощады не знаетъ!

И шипить: „Перепишите вотъ эту страничку,
 И эту, и эту, — да, смотрите безъ ошибокъ!“
 И ея губы, умершія для улыбокъ,
 Шепчуть: „Хорошо, хорошо, сейчасъ будетъ готово“.
 Листъ въ машинкѣ, и снова
 Тукъ, тукъ, тукъ, тукъ, тукъ, тукъ, завтра то же.
 Черезъ годъ, черезъ пять... лишь лицо станетъ строже.
 Идутъ вѣсны съ тоской и тревожной, и томной,
 Лѣта жаркія, зимы въ сурово печальномъ нарядѣ...
 Иней виденъ въ твоихъ волосахъ, и тебя къ долгожданной
 награждъ
 Представляютъ за то, что сгубила ты честно и скромно
 Жизнь свою... тукъ, тукъ, тукъ... можетъ, это вдругъ сердце
 забилось?
 Можетъ, счастье ему, долгожданное счастье приснилось?..
 Да, забилось отъ счастья оно наконецъ-то. Бумагу
 Олимпіецъ директоръ послалъ ей, — она перепишетъ толково.
 Тутъ, тукъ, тукъ — вотъ, готово.
 Въ сердцѣ чувствуешь ты радость, счастье, отвагу...
 Смотришь гордо на юныя, нѣжныя лица
 Двухъ помощницъ твоихъ, къ вамъ пришедшихъ тревожной
 весною.
 Ты надѣешься. — Завтра, быть можетъ, опять ждетъ стра-
 ница
 Отъ директора... Боже! Не дай Ты мнѣ въ ней ошибиться!

Какъ на птичку смотреть свирѣпый боа-констрикторъ,
 Такъ и на нее смотреть бухгалтеръ Ивановъ Викторъ

А. Радаковъ.

Рис. В. Лебедева.

НАЧАЛО РОМАНА.

Она: Вы не суевѣрны?

Онъ: А что?

Она: Вы не боитесь быть тринадцатымъ?

ХУЛИГАНЪ ВАСЬКА И Я.

Хулиганъ Васька мнѣ очень нравится
 На троихъ въ немъ хватитъ злости и норова,
 Озорникъ Васька первѣйшій сортъ.
 Васька недаромъ на Охтѣ славится,
 Что дерется и воруетъ вотъ какъ здорово;
 Дѣйствительно не парень, а сущій чортъ.

Вчера опять въ переулкѣ обобрали чиновника.
 Обобрали, отпустили изрядно битаго,
 Безъ часовъ и получки отпустили домой.
 Будутъ искать и не найдутъ виновника,
 А Васька-то Васька! Одинъ только видъ его!
 Минутка да наша — говоритъ — часъ—да мой..

Чую, пріятель, тобой сработано.
 Бито дарма, ни копейки не плочено,
 Развѣ иначе можетъ быть?

Не встанетъ на мѣсто и въ годъ оно —
 То что перчаткой твоей сворочено
 Узнаю Василю по манерѣ бить...

А я уже въ Африку хотѣлъ отправиться,
 Безопасностью каждое движеніе сковано,
 Охраняется заботливо мой каждый шагъ.
 Потому-то мнѣ Васька такъ и нравится,
 Что живетъ хулиганъ-озорникъ рискованно,
 Нацѣпивши финскій ножъ на кушакъ.

Съ Васькой живу я на одной улицѣ,
 Не сегодня завтра ко мнѣ привяжется,
 Вѣдь окошко къ окошку, къ дому домъ,
 Что-то, мнѣ думается, въ моемъ ему лицѣ
 Очень не симпатичное кажется,
 Вотъ онъ и сдерживаетъ свой гнѣвъ съ трудомъ.

Онъ — европеецъ, онъ — ищетъ повода,
 Ждетъ-выжидаетъ подходящаго случая,
 Все-таки неудобно, вѣдь я — сосѣдъ.
 Злые глаза, какъ два красныхъ овода,
 Чую! Будетъ гроза неминуемая,

Что же, Василий, — отчего же нѣтъ?
 Радъ пріобщиться твоей романтичности,
 Ничего что рука твоя крѣпко-жилиста,
 Съ удовольствіемъ вызовъ принять готовъ.
 Есть кой-что и въ моей наличности:

Иногда выжимаю фунтовъ четыреста,

А четыреста фунтовъ — десять пудовъ!

Жду окончательно сегодня вечеромъ.

Я или Васька — кто прославится?

Кто на утро останется гождь —

Господинъ городской — вамъ здѣсь дѣлать нечего,

Хулиганъ Василий мнѣ очень нравится,

Я за Васькинъ самъ отвѣчаю ножъ.

Валентинъ Горянскій.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Сумкину. — Сумкинъ увѣренъ, что весь міръ созданъ только
 для того, чтобы тѣшить мелкое самолюбіе его, Сумкина:

„Мнѣ будетъ пріятно, когда всѣ узнаютъ, что я — поэтъ, и прочтутъ мои стихи...“

Вамъ пріятно, а читателямъ непріятно.

Не будьте, Сумкинъ, эгоистомъ.

М. Энову. (Б. Пушки.) — Этотъ неопытный писатель сообщаетъ,
 что: „Съ тѣхъ поръ, какъ началась война съ нѣмцами, мои кулаки
 все время гнѣвно сжаты; они разжимаются только для того, чтобы
 хлестнуть тевтоновъ бичемъ сатиры“...

Нашъ совѣтъ: не разжимайте кулаковъ ни въ какомъ случаѣ.

Забіякъ Санькѣ. —

„Гляжу я безмолвно на черный пиджакъ

И думаю: Боже, какой я дуракъ...“

Редакція покорнѣйше проситъ не обременять ее сообщеніями сто-
 ронняго характера.

Б. Провинція.

Томскъ — Андрюшѣ К. — „Если напечатаете мои стихи — вашъ
 журналъ хорошо пойдетъ въ Томскѣ: меня всякая собака знаетъ“.

Къ сожалѣнію, „Новый Сатириконтъ“ издается не для томскихъ
 собакъ.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконтъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели
 за завтракомъ, обѣдомъ и
 ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

4-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
 на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

4-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс.
 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб., за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

<p><u>Аркадій Аверченко.</u></p> <p>О маленькихъ — для большихъ. (Разказы о дѣтяхъ) Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>О хорошихъ, въ сущности, людяхъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Чернымъ по бѣлому. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Сатириконцы въ Европѣ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Чудеса въ рѣшетѣ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Разказы для выздоравливающихъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Веселыя устрицы. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Круги по водѣ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Волчьи ямы. Цѣна 60 к.</p>	<p><u>Тэффи.</u></p> <p>Неживой Звѣрь. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Ничего подобнаго. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Дымъ безъ огня. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Карусель. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>И стало такъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <hr/> <p><u>Аркадій Буховъ.</u></p> <p>Жуки на булавахъ. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p>Чортова колесо. Цѣна 1 р. 50 к.</p>	<p><u>Юрій Слезкинъ.</u></p> <p>Повѣсти о странностяхъ любви. Цѣна 1 р. 50 к.</p> <p><u>Юма Опискинъ.</u></p> <p>(Съ предисловіемъ Аверченко и портретомъ автора.)</p> <p>Сорныя травы. Цѣна 1 р. 25 к.</p> <p><u>Владиміръ Воиновъ.</u></p> <p>Солнечные разказы. Цѣна 1 р. 25 к.</p> <p><u>Исидоръ Гуревичъ.</u></p> <p>Сигнальныя ракеты. Цѣна 1 р. 25 к.</p>
<p><u>Сергѣй Горный.</u></p> <p>Почти безъ улыбки. Цѣна 1 р. 10 к.</p>	<p><u>Дмитрій Цензоръ.</u></p> <p>Легенда будней. (Лирика.) Цѣна 1 р. 25 к.</p>	<p><u>А. Мюрже.</u></p> <p>Богема. (Романъ.) Цѣна 1 р. 25 к.</p>

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ:

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Ора и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера. Обложки работы художника Ре-ми.

- 1) Осиновый колъ на могилу зеленаго змія. Цѣна 1 р. 50 к.
- 2) Теплая компанія (Съ кѣмъ мы воюемъ). Цѣна 1 р. 25 к.
- 3) Письмовникъ „Нов. Сатирикона“ съ приложеніемъ самоучителя танцевъ и танцевальн. разговоровъ. Цѣна 1 р. 25 к.
- 4) Физиологія и анатомія человѣка съ приложеніемъ психологіи человѣка. Цѣна 1 р. 50 к.
- 5) Всеобщая исторія, обработанная Сатириконцами. Цѣна 1 р. 50 к.

Театральная библиотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.	Томъ 1-й.	8 одноактныхъ пьесъ.	Цѣна 2 р.
„	„	2-й. Монологи и миниатюры для сцены.	Цѣна 2 р.
„	„	3-й. Чортова дюжина (двѣнадцать пьесъ).	Цѣна 2 р.
„	„	4-й. Бенгальскіе огни (пьесы и водевили).	Цѣна 2 р.
„	„	5-й. Безъ суфлера (пьесы и монологи).	Цѣна 1 р. 50 к.
Тэффи.	„	1-й. 8 миниатюръ.	Цѣна 2 руб.
„	„	2-й. Новыя миниатюры.	Цѣна 2 руб.

Карманная библиотека „Новаго Сатирикона“.

Выпускъ 1-й.	Ал. Гринъ.	Происшествіе въ улицѣ Пса.	Цѣна 50 к.
„	2-й.	Гр. Алексѣй Толстой. Орѣонъ.	Цѣна 50 к.
„	3-й.	Александръ Рославлевъ. Князь изъ Альгамбры.	Цѣна 50 к.
„	4-й.	„	Записки полицейскаго пристава. Цѣна 50 к.

Дешевая юмористическая библиотека „Новаго Сатирикона“.

Спеціальные выпуски дешевой библиотеки „Новаго Сатирикона“:

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12,

Аркадій Аверченко.

№ 13 Тэффи,

№ 14 Г. Ландау,

№ 15 Аркадій Аверченко,

№ 16 О. Л. Д'Орѣ.

Аркадій Аверченко.

О нѣмцахъ и прочемъ такомъ.
Пять чемодановъ.
Записки театральной крысы.
Человѣки.
Позолоченныя пилюли.

Арк. Буховъ.

Двѣтокъ въ петлицѣ.

Тэффи.

Зарево битвы.
Житье-бытье.

О. Л. Д'Орѣ.

Проклятіе начавшимъ.

Цѣна каждаго выпуска 15 коп.

Ему надо было пройти къ выходу. — Господа, — сказалъ онъ, — позвольте пройти, а то я опоздаю на поѣздъ! — Но объята алчностью къ наживѣ, не двигалась густая толпа биржевиковъ.

— Господа! — заплакалъ онъ, — у меня умираетъ горячо любимый сынъ, трамваемъ переѣхало жену... О, сжальтесь, сжальтесь надъ бѣднымъ отцомъ, пропустите! Никто не двигался, и попрежнему раздавались насыщенные алчностью голоса: — Даю, беру, бакинскія, Нобель!..

Тогда онъ рѣшился на послѣднее средство. Изъ всѣхъ силъ онъ крикнулъ: — Поли-и-ицѣ!!!

И прошелъ...